В.М. Хруль, кандидат филологических наук, доцент кафедры социологии журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: amen@mail.ru

МЕДИАТИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ДИАЛОГА В РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

Рассматривая логические и функциональные аспекты динамической системы «плюрализм — диалог — консенсус» в публичной сфере и роль российской журналистики в содействии диалогу, автор обращается к особенностям медиатизации религиозных ценностей и анализирует роль журналистов в этом процессе. Рассматривая судьбу инициативы Русской православной церкви о публичном обсуждении национальной системы ценностей, которая была игнорирована журналистским сообществом, автор приходит к выводу о дисфункциях журналистики в поддержании ценностного диалога в обществе.

Ключевые слова: *журналистская культура, плюрализм, консенсус, диалог, религия.*

Author analyses logic and functional aspects of the «pluralism — dialogue — consensus» dynamic system in the public sphere and the role of journalists in the promotion of public debate. The paper is focused on the mediatization of religious values and the role of journalists in the process. The journalists' ignorance of the religious initiative to discuss basic national values indicates the dysfunction in dialogue management in Russia and corruption of local journalistic culture.

Key words: *journalistic culture, pluralism, consensus, dialogue, religion.*

Аксиологический консенсус, понимаемый как согласие по поводу базовых ценностей, некоторые философы и социологи считают необходимым условием для общественного порядка и стабильности в демократическом обществе [Dryzek, Niemeyer, 2006, p. 634—649; Galston, 2002]. Общественный организм сохраняет свою стабильность прежде всего в ценностном согласии, консенсусе по поводу основных аксиом социального взаимодействия.

Ценностный консенсус может быть описан как результат взаимодействия, определенная фаза диалогических социальных интеракций различных мнений, позиций, взглядов и убеждений [Elster, 1998, p. 97—122].

Отправной точкой на пути к свободному консенсусу и его необходимой предпосылкой является плюрализм, подразумевающий возможность реального существования и выражения свободного мнения. Однако плюрализм — это необходимое, но не достаточное условие для достижения консенсуса. Необходима еще одна крити-

чески важная предпосылка — возможность и реальное наличие развитого и сбалансированного общественного диалога, который приводит к общему согласию о ценностях и который невозможно себе помыслить без процессов медиатизации ценностей, без участия СМИ.

Плюрализм и консенсус — это два «столпа» динамического равновесия социума. С одной стороны, плюрализм без горизонтальных связей в обществе и диалога приводит к «атомизации». С другой — авторитарные модели реализации единомыслия, исключающие из пространства диалога общности, выражающие оппозиционные ценности, в лучшем случае лишь имитируют достижение консенсуса.

Ю. Хабермас рассматривает консенсус как идеал общественного договора: «Демократический принцип гласит, что только те законы могут претендовать на легитимность, которые принимаются с согласия всех граждан в дискурсивном законотворческом процессе» [Habermas, 1996, p. 110].

Другие ученые рассматривают консенсус как modus vivendi для конфликтующих ценностей, как «минимальное условие общественного порядка», предотвращающее «центробежные» тенденции [Galston, 2002, p. 65—78]. По данным австралийских социальных философов Дрижека и Нимайера, решения «являются демократически законными в той степени, что они строятся на свободном и аргументированном консенсусе» [Dryzek, Niemeyer, 2006, p. 648].

Аксиологический консенсус предполагает признание ценностных различий и таким образом облегчает совместный поиск взаимоприемлемых решений общих проблем. На практике ценностное согласие особенно актуально в тех ситуациях, когда в обществе существуют глубокие различия в идентичности и ценностно-нормативных моделях, как в современной России.

Логические и процессуальные аспекты функционирования системы «плюрализм — диалог — консенсус» (иными словами — аспекты медиатизации ценностного плюрализма) в российском обществе, на наш взгляд, имеют очевидное проблемное поле прежде всего в области организации и поддержки общественного диалога. Наблюдается и эмпирически фиксируется плюрализм, более или менее развитый в зависимости от конкретного предметного ряда. Однако плюрализм без качественного и сбалансированного диалога не может привести к консенсусу. Поэтому российское массовое сознание — это скорее набор «атомизированных» мнений, само формирование которых без диалога проблематично и подвержено манипулятивным технологиям, а не устойчивая динамическая система. Формирование «лояльных» власти ценностно-нормативных платформ, имитирующих общественное согласие, на самом деле можно описать как искусственный процесс, как «квази-консен-

сус», поскольку в нем нет необходимого для вызревания согласия «фермента диалога».

И это представляется серьезной проблемой для российской журналистики как социального института, который функционально призван к организации, поддержке и развитию общественного диалога для достижения согласия по базовым ценностям в социуме. Без культуры диалога журналистская культура оказывается функционально неполной и несбалансированной.

Современное состояние культуры диалога в российской журналистике можно рассмотреть на примере медиатизации религиозных ценностей.

Особенности медиатизации религии

Для того, чтобы выяснить, какое влияние религия оказывает на журналистскую культуру в России и насколько серьезно практикующие журналисты воспринимают необходимость медиатизации религиозных ценностей, представляется целесообразным обратиться к международному опыту.

Ответ на вопрос «Почему датские журналисты опубликовали карикатуры о пророке Мухаммаде и почему они защищали свое право на свободное выражение по религиозным вопросам» кажется естественным — они считают себя вправе критиковать любую религию, и датская аудитория поддерживает эту позицию. Но карикатурный скандал в Дании и — шире — в Европе, разразившийся пять лет назад, стал характерным примером влияния религии (в данном случае — ислама) на журналистскую культуру. Журналисты стали более осторожными в своих публикациях с учетом возможных последствий для верующих — не только мусульман, но и христиан, иудеев и др.

О термине «медиатизация», который становится все более популярным в социальных и гуманитарных науках, нам уже доводилось писать применительно к религии и религиозным ценностям [Хруль 2012a, 2012b]. В 2008 году С. Хьярвард обосновал важность изучения отношений религии и СМИ в контексте медиатизации тремя аргументами: 1) СМИ для большинства людей стали первичным источником информации в процессе формирования религиозных представлений и убеждений; 2) СМИ функционально стали замещать и вытеснять религию, «перехватывая» ее функции; 3) логика СМИ стала все чаще и активнее использоваться религиозными организациями [Hjarvard, 2008, p. 12].

Таким образом, в процессе медиатизации СМИ становятся главным субъектом, влияющим на формирование представления о религии и религиозных ценностях в публичной сфере.

Однако результаты уже проведенных исследований в этой области, обнаруживших существенные дисфункции СМИ, оказывают минимальное воздействие на информационную политику и журналистскую культуру.

В частности, в сводном отчете по исследованию «Религия в информационном поле российских СМИ», проведенном на факультете журналистики МГУ в сентябре—ноябре 2001 года [Религия, 2002], содержатся интересные выводы, которые могли бы стать как минимум предметом осмысления в контексте формирования культуры журналистики.

К примеру, исследователи обнаружили, что в светских СМИ, как правило, отсутствует экспертный анализ современной религиозной ситуации, чрезмерно преувеличивается зависимость религии от политики, а светская пресса в большинстве случаев искажает картину религиозной жизни страны.

По данным исследования, в массовой прессе наблюдается смещение в сторону доминирующей религии — православия — и недостаточное присутствие в информационном поле других религиозных образований. Это статистически объяснимое явление обнажает скорее количественный, нежели качественный подход российских СМИ к освещению религиозной жизни.

Что касается собственно СМИ религиозных организаций, в частности так называемой «конфессиональной прессы», то исследование обнаружило в большинстве случаев ее низкий профессиональный уровень, трудный для понимания стиль подачи материалов, склонность к «консервативности» форматов и «монотонности» жанровых структур, а также некомпетентность учредителей и издателей — религиозных организаций в использовании СМИ для распространения своего вероучения и привлечения адептов.

В исследовании были также отмечены тенденциозность в освещении религиозной жизни значительной части светских изданий, низкий профессиональный уровень и необъективность, предвзятость журналистов, а также зависимость светской прессы от политических предпочтений.

Отношение к религии и особенностям ее медиатизации вызывают дискуссии и в журналистской среде. Религия не всегда «укладывается» в медийные форматы, ее освещение требует особых подходов. Чтобы понять, как современные СМИ освещают религиозную тему, и определить возможные пути разрешения накопившихся противоречий, была создана книга «Религия в современной информационной политике» [Щипков, 2005][1]. Обозреватель Филипп

[1] Цит. по: http://www.religare.ru/25_4.html (последующие цитаты из интервью журналистов взяты из этого же источника).

Щипков собрал в ней интервью двадцати ведущих журналистов, которые занимаются религиозной тематикой и формируют общественное мнение.

Религиозные ценности глазами журналистов

Отвечая на вопрос о том, как СМИ должны освещать религиозную тему, журналист телеканала «Россия» Аркадий Мамонтов отметил, что к освещению религиозной темы в СМИ журналисты должны подходить с максимальной долей уважения: «Не навреди — самый главный принцип в работе журналиста». По мнению Мамонтова, даже в критическом материале не должно быть «недостойных выпадов» в сторону Церкви. Несколько отличается позиция главного редактора журнала «Russia Profile» Андрея Золотова, который полагает, что к религиозной теме журналисты должны подходить так же, как и к любой другой — объективно, разносторонне, достоверно, но при этом необходимо особым образом принимать во внимание опасность задеть религиозные чувства аудитории: «Я не думаю, что в обращении с религиозной темой должны использоваться какие-то особые правила, за исключением повышенной доли уважения к религиозным чувствам людей». Эту позицию во многом разделяет главный редактор журнала «Огонек» Виктор Лошак: «В своей журналистской практике я сталкивался с тем, что журналисты допускают возмутительные ошибки, которые потом смущают людей верующих и девальвируют собственно сами публикации».

Принцип объективности лежит и в основе позиции корреспондента программы новостей REN-TV Александра Мостославского. Он полагает, что подавать столь важную для общества тему нужно аккуратно и деликатно, а потому старается отразить все события, происходящие в духовной жизни общества. Журналист должен стремиться показать все религии и тенденции современности. При этом представлять информацию нужно «равноудаленно», объективно, без лишних комментариев. Александр Мостославский считает, что читатель сам должен сделать для себя все необходимые выводы из прочитанной публикации.

Эту точку зрения разделяет сотрудник газеты «Московский Комсомолец» Сергей Бычков. По его мнению, освещение религиозной темы также должно быть объективным и опираться на факты, которые нужно тщательно проверять. «В первую очередь, мы отслеживаем фактическую достоверность. Каждый раз, когда мы печатаем какую-то информацию, сообщение, новость или статью, мы, естественно, предполагаем, что против нас могут быть выдвинуты судебные иски» — сказал в своем интервью Сергей Бычков.

Светлана Солодовник назвала работу над религиозной темой «тяжелой и трудоемкой» и отметила, что область религии сама по себе является чрезвычайно сложной для понимания, а потому журналист должен прикладывать максимум усилий, чтобы сделать ее доступнее. «Пытаешься писать так, чтобы было максимально понятно, где здесь нерв и в чем, собственно, состоит проблема» — высказывается об этом Светлана Александровна.

Иначе на проблему освещения религиозной темы в светских СМИ смотрит Александр Архангельский. По его мнению, упрощение языка, на котором СМИ говорит о религии, может привести к искажению глубокого смысла освещаемой темы.

Редактор службы новостей телеканала REN-TV Кирилл Михайлов заявил в интервью, что Церковь в существующих на сегодняшний день условиях не должна стремиться занять в СМИ значимое место. По мнению Кирилла Михайлова, современные СМИ и православие — явления не совместимые, принадлежащие двум разным плоскостям. Михайлов перечисляет также основные проблемы, с которыми сталкивается религиозная тема в сегодняшних СМИ. Во-первых, подход к ее освещению зачастую однобокий. Во-вторых, на сегодняшний день, к сожалению, не найден язык, на котором церковь смогла бы говорить как с верующими, так и с далекими от религии людьми. Если будет найден способ, как решить все эти проблемы, религиозная тема сможет обрести свое, очень важное место в средствах массовой информации.

О сложности религиозной темы говорил Орхан Джемаль из «Новой газеты». Главный редактор газеты «Мирская жизнь» Евгений Стрельчик позиционировал ее как своеобразный «камертон» для других светских изданий, пишущих о религии. По его мнению, журналист, пишущий о религии, должен свободно ориентироваться в этой теме, легко оперировать историческими фактами.

Ведущий информационно-политической передачи «Однако» на первом канале Михаил Леонтьев подчеркнул, что «православного» телевидения в России не может быть до тех пор, пока эта культура не станет доминантной, а на сегодняшний день в стране ровно столько «православных» передач, сколько может принять потребитель.

Василий Антипов, который занимается на телевидении программой об исламе, не будучи при этом мусульманином, считает, что именно это помогает ему сделать программу профессиональнее и объективнее.

27 сентября 2007 года в Санкт-Петербургском госуниверситете в рамках международной научной конференции был организован круглый стол на тему «Роль СМИ в публичном признании религиозного многообразия».

Организаторы конференции пригласили ученых и журналистов, чтобы обсудить фактическую роль СМИ в развитии межконфессиональных и религиозно-общественных отношений в современной России.

Представитель Русской Православной Церкви, сотрудник Всемирного Совета Церквей и директор Православного института межконфессиональных отношений, экуменизма и новых религиозных движений протоиерей Владимир Федоров предположил, что ситуация с освещением религиозных вопросов в современных российских СМИ свидетельствует о религиозном невежестве во всем российском обществе. По его мнению, для того, чтобы действительно решить проблему, необходимо всерьез повысить уровень знаний россиян о религии. Заниматься этим, по мнению отца Владимира, могут и сами СМИ, а работать же над повышением квалификации журналистов должны университеты.

На необходимости корректного освещения религиозной жизни указывала также в конце 90-х годов прошлого века Судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации. В частности, в решении от 12 февраля 1998 года говорится: «...Любые публикации, касающиеся деятельности религиозных организаций, должны быть основаны на проверенной, достоверной информации, выдержаны в деликатной форме, осторожны в выражениях и характеристиках верующих людей» [Прикладная конфликтология, 2006. с. 67].

Тем не менее, судя по реальной практике журналистикой деятельности, по обнаруживаемым в ней дисфункциям, эти увещевания для многих СМИ остаются неуслышанными или малозначительными.

Конфликт форматов или трудности перевода?

По результатам наших исследований, проведенных в последние годы, противоречия в основном расположены не между религиозными нормативными моделями и этическими стандартами журналистики, но между религиозным пониманием того, что журналисты должны делать и что они делают в реальной практике.

Дисфункции на практике приводят к резкой критике российских СМИ и журналистов со стороны религиозных деятелей и простых верующих.

Основные причины этого — извинительные для российской журналистики невежество в религиозных вопросах после десятилетий систематической атеизации и слабая артикулированность религиозных концептов в публичной сфере и в общественном мнении (низкий уровень осведомленности об особенностях веро-

учений и практик христианских, мусульманских, еврейских и других исповеданий существенным образом отличается от ситуации в западных странах, где — при заметной секуляризации — остается распознаваемым базовый христианский культурный код, в России с трудом восстанавливаемый).

Следует признать, что свою лепту в поддержание журналистской неосведомленности вносят и сами религиозные организации, которые с трудом переходят к информационной прозрачности от конспиративной закрытости советских времен. Кроме того, до сих пор остается труднопреодолимой проблема перевода не только слов, но и концепций и нормативных моделей с церковного языка на светской, общепонятный.

Нацеленность на кропотливую работу со светским журналистским корпусом демонстрирует в последние годы Синодальный информационный отдел Русской Православной Церкви. В рамках мониторинга СМИ он создал «коллектор ошибок».

«Основная задача коллектора — непрерывный сбор типичных, самых распространенных ошибок, которые допускают СМИ при освещении православной тематики. При помощи данного инструмента Синодальный информационный отдел планирует выработать единые общецерковные стандарты употребления в СМИ православной, церковной, богословской терминологии», — заявили инициаторы проекта[2].

Они открыли специальный почтовый ящик, куда каждый может прислать любую лексическую, смысловую, стилистическую и иную ошибку в любом СМИ, а также неточность или небрежность в освещении деятельности РПЦ и православия в целом.

По словам советника председателя Синодального информационного отдела РПЦ Е. Жосул, журналисты нередко путают «пустынь» (уединенный монастырь) с «пустыней», а «кадило» с «люстрой», называют священников «святыми отцами», не знают, что такое «притвор» (пристройка перед входом в храм)[3].

После систематизации ошибок (к каждой из них будет предложен рекомендуемый вариант использования того или иного церковного термина или выражения) будет издан реестр типичных ошибок СМИ в виде книги, которую Синодальный информационный отдел подарит всем журналистам, постоянно пишущим о православии.

---

[2] Синодальный информационный отдел создал коллектор ошибок СМИ, освещающих деятельность Православной Церкви // Официальный сайт Русской Православной Церкви. 11 августа 2011 года. Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/1596277.html

[3] СМИ путают клириков со святыми, а кадило с люстрой — РПЦ // РИА Новости, 16 августа 2011 г. Режим доступа: http://ria.ru/religion/20110816/418530537.html

Инициатива «коллектора ошибок» перекликается с другой инициативой, реализованной за рубежом и также направленной на гармонизацию отношений религия-СМИ.

В контексте взаимодействия журналистов и религиозных организаций принципиально важно отметить, что инициатива по разработке словарей и «синхронизации» языков исходит преимущественно от последних. Российские католики еще в середине 1990-х годов несколькими изданиями выпустили в свет полезный для журналистов «Словарь литургических терминов» на русском языке [Словарь, 1997], их примеру последовали лютеране[4].

Подобные примеры преодоления трудностей перевода известны и в зарубежной практике. В частности, в Италии в 2010 году издан небольшой «церковно-итальянский» словарь для журналистов. В предисловии к изданию корреспондент ведущего итальянского информационного агентства ANSA Габриэле Таккини признал, что большинство светских журналистов испытывает проблемы с интерпретацией лексики, которая бытует в церковной среде. Сам Таккини неоднократно обращался за разъяснениями к пресс-секретарю Миланской архиепархии священнику Давиду Милани. После очередного обращения, по словам журналиста, стороны пришли к мнению о том, что «пригодился бы специальный словарь для перевода с церковного итальянского на светский»[5].

В освещении религиозной жизни последнюю границу, отмеряющую степень личной ответственности, проводит сам журналист с помощью своей совести. Правильный выбор помогут ему сделать в том числе и уроки правильного словоупотребления.

Можно предположить, что в российском контексте есть по крайней мере два объективных фактора для усиления влияния религиозных организаций на журналистику:

1) количественное увеличение религиозных общин и, соответственно, усиление их институционального влияния и 2) нарастающее воздействие религиозных ценностно-нормативных моделей на ткань общественных отношений и, как следствие, их влияние на публичную сферу и журналистику.

В поисках культуры диалога

Роль современной русской журналистики в формировании и поддержке диалога в публичной сфере по поводу религиозных (и не только религиозных) ценностей достаточно ярко характеризует ка-

[4] Лютеранский словарь литургических терминов. Режим доступа: http://pharisai.boom.ru / diction.htm

[5] Włochy: mały słownik „kościelno-włoski" dla dziennikarzy. Режим доступа: http://system.ekai.pl / kair / Gabriele+Tacchini

зус с инициативой Русской Православной Церкви, который стал своеобразной «лакмусовой бумажкой» для оценки общей ситуации.

25 января 2011 года РПЦ представила на обсуждение общественности документ «Вечные ценности — основа российской идентичности». По словам одного из соавторов текста, протоиерея Всеволода Чаплина, проект под названием «Национальная система ценностей» был разработан для того, чтобы «заполнить вакуум ценностей в обществе»[6].

В представленном списке 8 ценностей ранжированы по степени важности, которые, по мнению представителей РПЦ, должны стать нравственной основой страны: справедливость, свобода, солидарность, соборность, самоограничение и жертвенность, патриотизм, человеческое благо и семейные ценности.

Как объяснил о. Всеволод Чаплин, справедливость подразумевает политическое равноправие, честность судов, ответственность руководителей, она реализуется через социальные гарантии, предполагает преодоление бедности и коррупции, а также предполагает достойное место для каждого человека в обществе. Свобода подразумевает свободу слова, вероисповедания, выбора места жительства и рода деятельности, а также независимость и самобытность российского народа. Солидарность, согласно мнению авторов документа, на индивидуальном уровне — способность разделить с другими людьми трудности или болезни, а на социетальном — общенациональная сила, связывающая народ и обеспечивающая единство, целостность и жизнеспособность нации. Единство власти и общества в работе на благо страны и людей, гармоничное сочетание духовных и материальных интересов каждого человека и общества в целом названо в документе соборностью. Самоограничение и жертвенность противостоят эгоизму и потребительскому отношению к ближним, патриотизм — это вера в Россию, привязанность к родному краю, его культуре, готовность трудиться ради своей Родины. Представители РПЦ заявили, что ценность блага человека должна стать приоритетом социального развития, а семейные ценности предполагают культивирование любви, верности, заботы о детях и стариках.

Критерием отбора ценностей для авторов проекта стала их укорененность «в Божией правде и в том опыте жизни, который, несмотря на все консервации и модернизации, оставался для России константой»[7].

---

[6] РПЦ составила свод «вечных российских ценностей» // Московский комсомолец. 27.01.2011. Режим доступа: http://www.mk.ru/politics/russia/article/2011/01/27/561124-rpts-sostavila-svod-quotvechnyih-rossiyskih-tsennosteyquot.html

[7] Там же.

Проект был представлен на конференции «Национальная система ценностей как залог процветания России», прошедшей 25 января 2011 года в рамках Международных рождественских образовательных чтений. Протоиерей Всеволод Чаплин призвал политиков и широкие социальные слои обсудить этот документ в рамках публичной дискуссии, чтобы россияне смогли выразить свое отношения к ценностям.

Но этот призыв был практически проигнорирован российскими СМИ и поэтому стал незаметным в публичной сфере, поскольку он просто не был артикулирован. Более того, в первый же день документ удостоился едких комментариев журналистов, которые не сочли религиозную инициативу разговора о ценностях достойной внесения в общественную повестку дня.

Вот как это прокомментировала газета «Московский комсомолец»: «Инициативы представителей РПЦ уже не первый раз становятся предметом горячих обсуждений. Напомним, в начале прошлой недели Всеволод Чаплин предложил урегулировать внешний вид россиян путем введения общего для жителей страны дресс-кода. Уделив особенное внимание внешнему виду женщин, он вызвал негодование общественности. Возмущенные россияне уличили его в нарушении прав и свобод россиянок, закрепленных в Конституции»[8]. То есть раздражение журналиста предыдущей инициативой привело к игнорированию следующей, причем независимо от ее масштаба. Похожим образом отреагировала и «Независимая газета»[9].

Описанный выше казус явно свидетельствует об отсутствии понимания необходимости общественного диалога и ответственности в профессиональной культуре российских журналистов. (Разумеется, при условии, что они вменяемы, то есть являются самостоятельными игроками в процессе сбора, производства и распространения информации. Если же уровень принятия решений лежит выше — то и ответственность за общественный диалог делегируется главным образом на этот уровень.)

Тем не менее, если журналистское сообщество России не будет стремиться к осознанию своей ключевой роли в организации диалога, необходимого для достижения ценностного согласия в обществе, то и сам аксиологический консенсус останется лишь мечтой теоретиков...

---

[8] Там же.

[9] Церковь и партия власти поработали над вечным. Концептуальный взгляд РПЦ на систему отечественных ценностей // Независимая газета, 27.01.2011. Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2011-01-27/1_rpc.html

Неожиданное послесловие

Когда статья была уже написана, вдруг в публичном пространстве возникла еще одна инициатива — инициатива проведения митинга «против всех митингов», с которой выступили журналисты. Этот казус стал еще одним индикатором степени зрелости журналистского сообщества — прежде всего в ракурсе его служения общественным интересам.

«Бесконечные митинги, прошедшие на улицах Москвы, привели еще к одному неожиданному эффекту. У журналистов центральных СМИ, три месяца гонявшихся по разным протестным площадкам, вдруг возникло отвращение к ним. Настолько стойкое, что труженики пера, микрофона и ноутбука выдвинули инициативу провести свой митинг — против всех митингов», — так преподнесла новость «Комсомольская правда».[10]

Озабоченные личными трудностями (главные лозунги инициативы — «Верните журналистов в семью!» и «Дайте хоть в выходные поспать!»), коллеги собственную усталость сочли достаточным основанием для протеста против митингов вообще. То обстоятельство, что инициаторам акции на митингах «уже несмешно и неинтересно», оказалось важнее, нежели необходимость просто исполнять профессиональный долг, обеспечивая общество необходимой информацией в рамках сложившегося разделения труда.

За несколько дней в созданную в социальной сети Facebook группу уставших от митингов записалось более ста журналистов. Далее возник вопрос «А кто же будет освещать этот митинг, если все будут на митинге?». Ответ на него возник немедленно: «Блогеры будут освещать. Вход сделаем строго по аккредитации, сделаем отдельный загончик для блогеров. Пусть прочувствуют».

Видимо, у журналистов вновь обострился «кризис субъектности»: общество их недооценивает, не понимает важности их миссии, не одаряет почестями свои «глаза и уши». Любопытно, что агрессия журналистов вылилась против общества, против свободы слова и собраний, а не против их хозяев и работодателей в рамках профсоюзных требований справедливой оплаты внеурочного и сверхконтрактного труда. Трудно себе представить, чтобы в странах со сложившейся журналистской культурой и журналистскими стандартами журналисты вышли на «митинг против митингов»...

Это отчетливо поняла и аудитория. В частности, читатели «Комсомольской правды» ответили на заметку о митинге «против всех митингов» резонными аргументами, для иллюстрации которых я

[10] В Москве зреет митинг «против всех митингов» // Комсомольская правда, 13.03.2012. Режим доступа: http://kp.ru/daily/25849/2819469/

хотел бы привести три реплики (орфография и пунктуация сообщений сохранены):

«Смешно читать... журналистам надоело освещать события... куда там... а почему врачам не надоело лечить, учителям учить детей? Каждый должен трудиться на своем месте. А не можешь — уходи...».

«У нас. что оппозиционеры, что журналисты, какие-то обуржуазившиеся! Быстро устают, хотят комфорта!».

«Хочу напомнить недовольным одну песню "трое суток не спать, трое суток шагать, ради нескольких строчек в газете"! Не нравится работа? — идите в какую-нибудь контору, где можно сидеть с 9 до 18».

Казус с журналистской затеей провести митинг «против всех митингов» дает основания предполагать, что степень зрелости и культуры определенной части аудитории по некоторым параметрам заметно отличается от культуры журналистов, систематически уклоняющихся от своей прямой функции — содействия ценностному диалогу в обществе. И это предположение могло бы стать рабочей гипотезой интересного исследования, если среди усталых исследователей найдутся желающие за него взяться...

Список литературы

Прикладная конфликтология для журналистов. М.: Права человека, 2006.

Религия в информационном поле российских СМИ. М.: Ф-т журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 2002.

Словарь литургических терминов. М., 1997.

Хруль В.М. Религия, массмедиа и представления о Боге в современной России. Lambert Academic Publishing, Saarbruken, 2012.

Хруль В.М. СМИ и религия: в поисках интегрального подхода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2012 (в печати).

Щипков Ф. Религия в современной информационной политике. М., 2005.

Dryzek J.S., Niemeyer S. Reconciling Pluralism and Consensus as Political Ideals // American Journal of Political Science. 2006. Vol. 50. N 3. July.

Elster J. Deliberation and Constitution Making // Elster J. (ed.) Deliberative Democracy. New York: Cambridge University Press, 1998.

Galston W.A. Liberal Pluralism: The Implications of Value Pluralism for Political Theory and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge: MIT Press, 1996.

Hjarvard S. The Mediatisation of Religion: a Theory of the Media as Agents of Religious Change // Northern Lights. 2008. 6 (1).

Khroul V. Religion and Media in Russia: Functional and Ethical Perspectives. Lambert Academic Publishing. Saarbruken, 2012.

Поступила в редакцию
01.03.2012